

**Галина
Губайдуллина**

**Флибустьеры с
наветренных
островов**

18+

Галина Губайдуллина

**Флибустьеры с
Наветренных островов**

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Губайдуллина Г. И.

Флибустьеры с Наветренных островов / Г. И. Губайдуллина —
«ЛитРес: Самиздат», 2016

Гарсанда - кларисса-капуцинка попала в келье монастыря с любовником. Но вместо порки с другими проститутками отправлена на остров Гваделупа по приказу короля Людовика Четырнадцатого. На этом Наветренном острове много мужчин-содомитов, промышляющих в основном пиратством, и очень мало женщин. Задача проституток – выйти замуж в течение двух месяцев, кто останется без мужа, тот будет продан в рабство на местные плантации, где урожай 4 раза в год.

14 апреля 1685 года. Франция. Город Париж. Огороды женского монастыря кларисс-капуцинок возле их обители. Рядом строительство новой улицы под названием Нижний Вал: новостройки, телеги на дороге, доски, глина, кирпичи.

Монашки и послушницы, одетые в свои остроконечные капюшоны красного цвета и тёмно-синие сутаны, возвращались на склоне дня в родную обитель по аллее вдоль буков, дубов и сосен.

Поправляя свои белёсые волнистые волосы, Тевдазия, которая плелась позади всех, глянула на садящееся солнце, что пряталось за тучу. Эта природная феерия была похожа на дымку от пиротехнического взрыва: яркие тона жёлтого и красного разбросаны в виде звезды с множеством лучей. В небе с востока загорались звёзды.

– Что светит нам в ночную мглу? Что за огни освещают путникам дорогу?– вопрошала она в небо.

Её кто-то услышал и мужским голосом отвечал из кустов:

– Звёзды – осколки бокала Бога, который он разбил на счастье.

Тевдазию впечатлил ум и романтизм этого человека. Мужчина высунулся из листвы.

Представился:

– Я – барон Осман, руководитель и спонсор всей этой стройки.

– Ваша возня очень мешает сосредоточению для молитв,– пожаловалась девушка,– А ещё юных послушниц отвлекают витрины магазинов с вкусной выпечкой и красивыми платьями...

Мужчина был хорош собой и сиял хитрой улыбкой, словно демон.

Он говорил:

– Не могу ничем утешить. Новые дома покупают исключительно богатые буржуа и бомонд. Скоро здесь будет самый модный и шумный квартал. Хотел бы пригласить Вас на ужин.

– Ну что Вы! Меня потеряют и выгонят! Лучше Вы приходите ко мне. Моё окно третье справа от левой стены... Вы же не собираетесь соблазнять меня?

– Ну что Вы! Просто поболтаем о жизни...

– Тевдазия!– окликнула её Надин – сестра по религии постарше.

– Я слушала щебет свиристели,– отозвалась та и нагнала своих монашек.

Наставница-аббатиса читала морали для монашек перед сном:

– Мы – последователи францисканцев, особенно рьяно должны следить за нравственностью! Богу нравятся покорные. Гордыня и тщеславие – любимый грех Дьявола.

Тевдазия тихо посетовала сестре-послушнице рядом:

– Действительно, чем гордиться, если человек подвержен болезням, соблазнам, мало развивается умственно и физически.

Аббатиса продолжала:

– Есть демоны, которые нападают и искушают даже святых! Их называют чистые демоны.

И настоятельница привела ужасающий пример событий в 1631-ом году в женском монастыре урсулинок в городе Луден, где неведомая сила заставляла подниматься монашек к потолку и избивала их, бесноватых били конвульсии, изгибались невыносимыми способами, а некоторые даже впадали в летаргический сон. Сама игуменья Лудена видела Асмодея, Левиафанта, Астарота и других не менее опасных демонов со страшными мордами и когтистыми лапами. Сначала пытали и сожгли местного священника Урбана Грандье, объявив виновником, но это не помогло. Пришлось самому кардиналу Ришелье навести там порядок, он просто забрал всю казну монастыря и распорядился ограничить их денежными дотациями, полтергейст сразу испугался сидеть на хлебе и воде и растворился в воздухе до лучших времён, а монахини чудесным образом выздоровели.

На ужин женщины похлебали луковый суп и разошлись по кельям.

По дороге Тевдазия шепнула подруге Надин:

– Проповедуют любовь к ближнему...как мило...а сами гнобят монахов на пустой похлёбке...

В своей келье она встала на колени, стала молиться на лик Пресвятой Богородицы. Но мысли путались, она ждала гостя.

Вот он влез в её окно. Девушка затрепетала.

Из-за ремня барон Осман достал пару бутылок вина, большой кусок сыра комамбер и ветчину прицутту. Сложил всё на маленькую тумбочку.

– О, какой соблазн для живота!– тихо засмеялась Тевдазия.

– Иногда не грех побаловать себя.

Монашка жадно принялась пробовать ветчину. Барон понимающе кивнул и по-свойски уселся на её кровать.

– Как ты сюда попала?

– Я – дочь зажиточного ткача, но меня всегда тянуло узнать больше о религии. Здесь я много читаю, изучаю историю.

– А я думал: огородом занимаешься.

– А, это...ну, да, заставляют...

– Глотни вина.

– Боюсь. Говорят: демон пьянства очень коварен.

Мужчина засмеялся. И первый пригубил бутылку с вином. Девушка осторожно взяла второй сосуд в руки, понюхала содержимое. Аромат взывал попробовать. И она сдалась. Отпила немного. Её щёки моментально порозовели, по венам разлилось тепло. Она не заметила, как отпила треть бутылки.

– Тебе сколько лет?– поинтересовался Осман.

– Уже 23.

– И как часто к тебе приходят гости-мужчины?

– Первый раз.

– Да, уже давно пора.

– Пора что?– обмерла Тевдазия.

– Твоя наивность очень трогательна.

Обильная еда и вино сделали её какой-то ватной, усталой, заторможенной. И когда жаркие губы мужчины обрушились на её уста, в ушах зазвенело от нового, неведомого и ошеломляющего ощущения. Ей не пришлось в голову прогнать соблазнителя.

От соития она ожидала большего. К чему запрещать секс, если он несёт боль и пустоту?

В её келью отворилась дверь.

– Свирители не поют по ночам,– довела до её сведенья коварная подруга Надин.

А аббатиса журила мужчину:

– О, старый знакомый! Опять Вы к нам зачастили, барон Осман.

Эти слова больно отозвались в душе Тевдазии. Она всего лишь очередная забава для аристократа.

Соблазнитель бросил кошелёк на тумбочку и подмигнул настоятельнице, оделся и исчез в ночи, выпрыгнув в окно.

Пойманная на преступлении оправдывалась:

– Я не хотела всего этого...Теперь я знаю, что нельзя верить словам мужчин...Он обещал лишь ужин и разговор.

Аббатиса со знанием дела вздохнула:

– Мужчины не тратят денег и время на пустые разговоры. Тебя изгонят из монастыря.

– Простите меня.

Пожилая женщина пожала плечами:

– Укротить природные силы желания не все могут. Не смогла и ты.

– Этого больше не повторится!

– В монастыре нужна полная концентрация для выполнения своей высшей миссии, нужен полный уход от соблазнов. Тебе же не суждено преобразиться в ангела, в тебе много мятежного духа революций, кровь бурлит от волнений жизни. Ты ещё спасибо нам скажешь за то, что мы тебя выгнали.

Надин поддакивала:

– Да-да, у неё мятежный дух, как у бунтаря, изгнанного из рая.

Аббатиса добавила:

– Если мы простим тебя – дисциплины не будет, все захотят спать с мужчинами. Как тебя звали до монастыря?

– Гарсанда.

– Вот и будешь опять Гарсандой.

Подруга-предатель стянула кошелек с тумбочки, а обвиняла Тевдазию:

– Надо жандармов вызвать! Я не вижу денег на тумбочке!

Гарсанда вскричала:

– Не отождествляйте меня со злом! Я не крала кошелек! Наверное, барон незаметно прихватил его с собой!

Надин орала:

– Она расплатилась за ночь любви со своим любовником!

– Вызывай стражей порядка, – кивнула главная в женской обители.

Гарсанда глянула на икону, с неё глядел лик её давно умершей матери.

– Мама, – вырвалось у девушки.

Она медленно оделась и не сопротивлялась, когда жандармы заломили ей руки.

В темнице проститутки, что делили с Гарсандой помещение, громко с вызовом смеялись, отпускали сальные шуточки, задирали стражей и друг друга. Среди них то и дело возникали потасовки. Их белые банты и белые ленты на рукавах мелькали перед взором, вызывая чувство безысходности. А запах розовой воды душил своим тяжёлым тошнотворным ароматом. И почему проституток заставляют брызгаться этими духами? Одежды этих особ не были слишком шикарны, ведь любой чиновник мог раздеть куртизанку прямо на улице, если та одета не в дресс-код, а затем перепродать её дорогие одежды.

Если родной отец отринет её, ей придётся надеть такую же повязку и продавать себя, чтобы не умереть с голоду... Но, может, отец пожалеет её, он имеет неплохие деньги от торговли... Хотя у него ещё 5 дочерей... Старый мир Гарсанды рухнул, а новый страшил неизвестностью. Шлюх обычно пороли плетью. А ей приписали ещё и воровство...

К ним в просторную камеру вошли трое мужчин в дорогих одеждах, их охраняла стража.

Один из них, закрывая нос платочком, произнёс:

– Радуйтесь, дети греха: бить вас не будут, чтобы шкуру не попортить. Король Людовик Четырнадцатый решил послать корабль с тремя сотнями проституток на остров Гваделупа, там мало женщин и много мужчин-содомитов. Ваша задача – выйти замуж, кто останется без мужа через 2 месяца – будет продан в рабство на местные плантации. А урожай там зреет 4 раза в год. Сейчас вас осмотрит врач. Нам не нужны эпидемии сифилиса на острове.

Ещё в шестнадцатом веке испанские и французские солдаты и мореплаватели привезли сифилис из Нового Света, из колоний. В 1496-ом году была даже ужасная эпидемия.

При осмотре в маленькой комнатке Гарсанда узнавала у доктора:

– А правда, что одна заражённая сифилисом может заразить весь корабль?

– Может. Но гораздо больше женщин гибнет от недоедания и чахотки. Поверь моему опыту. А женщиной Вы, мадам, стали буквально накануне...

– Да. И поплатилась за это сутаной.

– На всё воля Божья. Может, на Гваделупе Вы нужнее. Не пользуйтесь, пожалуйста, дешёвой косметикой куртизанок. Они могут быть заражёнными. И потом: от карминовых румян выпадают зубы, остальные румяна содержат сульфид ртути. Пудра тоже больше раздражает кожу, чем скрывает недостатки. У Вас и так кожа бела, а румянец появится от фруктов и свежего воздуха.

Серебристые чайки летают вокруг кораблей.

На берегу отец Гарсанды махал руками и звал старшую дочь, но отплытие ему никто не дал задержать. И слёзы застлали глаза его дочери: не успел...

Ещё долго сквозь рёв толпы она слышала:

– Гарсанда Фази! Гарсанда Фази!

Девушка махнула отцу. Увидела, как он затрясся от плача. От ветра слетела его широкополая шляпа, и локоны белых, кучерявых волос застлали лицо.

Какая-то женщина, одна из жён матросов, верещала:

– Домой после этого плавания не возвращайся! Я тебя знаю, ты всех баб перепробуешь!

Капитан корабля рявкнул на пассажиров:

– Всем женщинам в трюм! Нечего болтаться по палубе под ногами матросов!

Из гавани в Париже по реке Сена корабль отправился в порт Гавр-де-Грас в Нормандии, а оттуда суда по несколько штук плыли в Новый Свет.

Военный трёхмачтовый фрегат «Морская Звезда» и с шестьюдесятью пушками на борту под пиратским флагом с изображением петуха качался на спокойных волнах. Вечерело. Большая серая туча на западе закрывала горизонт, вокруг неё тянулись длинные сизые мазки, будто атлант-художник не закончил покраску неба.

Тридцатилетний красавец-навигатор Габриель де Аллард всматривался в тёмную даль волн. Рядом лысый громила боцман Водо Варнье болтал с блондином канониром Бертраном Бердом, любителем выпить. Этим пиратам было лет по 35. На Водо был одет жакет без рубашки, и на предплечье красовалась татуировка ангела, говорящая о том, что ранее человек принадлежал к иерархии священников. На верхней части ладоней Бертрана нарисованы птицы в полёте, эти тату означали свободолюбие и конкретно «ласточка» – 5.000 миль пройдено.

Бертран сетовал:

– Когда же мы закончим ходить в морские походы?

– Денег много не бывает. Найдём куда их потратить. Да и что дома-то на суше всё время сидеть? Скучно.

– А капитан наш компаньер?– спросил пробегающий мимо молоденький матрос Октав Тома.

– Конечно!– заверил пушкарь,– Видал: у него золотая серьга в левом ухе? Он обогнул Землю!

Октав удалился и боцман заметил:

– Он уже не плачет, он смирился.

Подав голос Габриель:

– Квартирмейстер Ромарик Жибель плохо с ним поступил. Сневолил парня. Как крыса подкрался к тому, когда тот спал... Не все же разделяют нравы зелёных. Вон и ты, Бертран, не нашёл себе пары из команды.

– Мой лучший друг – выпивка,– ухмыльнулся канонир,– А бабу я всегда сыщу. Хоть бы она и индеанка была... За нож индейцы предлагают своих подростших дочерей.

Бывший священник, а ныне боцман, поучал:

– Спиртное – плохой друг. Сначала, вроде, легче, когда забудешься, но демон пьянства может заставить тянуться к бутылке снова и снова. Я сам едва устоял от пагубной привычки, когда сбежал из монастыря.

Канонир заметил чьё-то тело у борта, заявил:

– А кто это уже напился так, что свалился?

Водо присвистнул:

– Непорядок! Без разрешения капитана – нельзя.

Габриель шутил:

– Мсье Жибель просто полюбил этот кусок палубы, теперь он будет здесь дневать и ночевать.

Боцман предложил:

– А не дать ли ему по голове бутылкой, что служила тарой для вина? А потом выкинем квартирмейстера за борт, тем самым избавим этот экипаж и мир от противного, ехидного и нудного мерзавца.

Бертран подскочил к валявшемуся на палубе, перевернул и сообщил друзьям:

– Замечательная идея, вот только, кто-то уже расквитался с мсье Жибелем. У него в сердце нож торчит.

– Октав, – выдохнули разом Габриель и Вода.

На палубу поднялся капитан Дэнис де Вормс. Мрачный тип, у которого косматые брови всегда сдвинуты, не смотря на свой возраст в 34 года, он пользовался большим авторитетом у команды.

Боцман первый доложил о происшествии:

– Капитан, квартирмейстера кто-то убил.

Тот отмахнулся:

– Что за шумиха? Человеку нельзя тихо и спокойно дойти до галюна справить нужду, чтобы рядом кого-нибудь не убили. Не суетитесь. Сейчас схожу к носовой части и тогда свистай всех наверх.

Когда вся команда пират выстроилась перед капитаном Вормсом, главарь обошёл ряд подчинённых, вычисляя убийцу:

– Итак, кто хочет на рею? Навигатор стоял у штурвала, с ним были боцман и канонир. Где были остальные?

У троих алиби не нашлось. Это были Октав Тома, бывалый кок Флорентин Курлен со шрамом во всю щёку и юный барабанщик Модред Димберто не блещущий привлекательностью.

– Убийца сам признается или мне всех троих утопить, как котят? – пугал расправой предводитель разбойников.

– У Октава была причина ненавидеть квартирмейстера, – сообщил Модред.

– Если честно: у всех была причина ненавидеть этого негодяя, – перебил его капитан.

– Я убил Жибеля, – склонил голову Октав Тома.

– Молодец! – неожиданно для всех похвалил его капитан, – И впредь не давай себя в обиду. Не зря наш корабль называется «Морская Звезда», звезда – символ правдолюбия, я всегда на стороне тех, кого невинно обидели.

Боцман просил соизволения:

– Ребята очень взвинчены, капитан, может, разрешите им пропустить по паре кружек вина?

Но тут крикнул навигатор:

– По правому борту нас догоняет четырёхмачтовое английское судно!

Вормс ругнулся:

– Стервятники! Они чувствуют, что мы идём с добычей! У нас кроме груза какао полно серебра... Готовимся к бою! Канонир, командуйте пушкарями и пороховыми обезьянами!

Канонир Бертран Берд взревел своим подчинённым:

– К бойницам!

За оружие схватились даже кок и плотник.

Аллард сделал поворот судна оверштаг.

Догоняющее пират судно имело клинкерную обшивку внакрой со штырями-нагельями и медными заклёпками. Английские военные действительно решили отнять добычу у французов. Вдоль их борта уже была натянута абордажная сетка. Мундиры английских офицеров светились золотом шнура, эполетов, лацканов, манжеток и пуговиц. Сияли белым бриджи.

Пираты одеты в короткие куртки серых и тёмно-синих тонов, льняные рубахи белые или в клетку, у многих парусиновые штаны просмолены дёгтем для водоотталкивающего эффекта и защиты от ножевых ран врага, у остальных короткие панталоны пузырями или кюлоты с чулками. На голове бандана или треуголка, почти у всех на шее платок. У богатых пират – одежда из бархата, тафты, рубашки из шёлка, шёлковые чулки, фетровые треуголки. Башмаков пираты не носили – только сапоги. Хотя на берегу могли надеть и башмаки.

Кто-то из англичан крикнул навигатору по-французски:

– Красивый ты парень, штурман, жаль погрёшь скоро!

Габриель прокричал в ответ:

– Это твоё тело скоро станет коробкой для вонючих костей!

С борта британцев грохнулся абордажный мостик с острыми шипами на днище. Мост проломил фальшборт в районе шкафута, шипы вонзились в палубу, соединив суда. С мостика к пиратам побежали захватчики.

С английского борта играла скрипка. С борта французов барабанщик отбивал бодрую боевую дробь.

Пираты запели:

– Йо-хо-хо, громче песня, что ж нам Дьявол не рад?! Йо-хо-хо, прочь от песни! С ней хоть в Рай и хоть в Ад!

Дэнис де Вормс поражал врагов рапирой, а в левой руке он держал шпаголом – клинок с глубокими насечками для захвата и приведения в негодность шпаг противника.

Боцман лихо махал абордажной однолезвийной саблей, длиной в 80 сантиметров и изрядной шириной в 5 сантиметров с рукояткой из обычного дерева, но на железе красовались узоры, похожие на древние печати.

Габриель де Аллард нервно вращал штурвал, поглядывая на бойню.

Помощник Габриеля – толстяк с хвостом длинных волос Эльзеар Лафоре выхватил свою саблю из мозаичной дамасской стали, в другой руке он держал дагу – кинжал для левой руки. Помощник навигатора нажал на кнопку и дага разложилась веером в 3 клинка по 30 сантиметров каждый. И толстяк без труда поймал шпагу противника, отбросил его оружие в сторону, зарезав англичанина саблей. Габриель заметил, как матрос Октав Тома орудует не только саблей, но и мушкетью, забрав этот молоток для такелажных работ у убитого плотника. Барабанщик и тот успел заколоть нескольких англичан багром.

Кок озверело наносил удары на лево и на право, орудя саблей и трёхгранным кортиком с костяной рукояткой.

Англичанам не довелось проникнуть даже на квартердек.

С английского корабля заговорили мушкеты. У французов упало несколько человек.

С «Морской Звезды» ответили пушечным залпом из всех правобортных пушечных орудий. И ещё несколько пират выстрелили из пистолей с колесцовыми и кремневыми замками.

А десяток матросов разрядили во врагов французские буканьерские ружья длиной в 4,5 фута, их покупали в городах Дьепп и Нант. А отличный порох поставляли из города Шербур.

В английское судно полетели круглые гранаты с порохом, залепленные воском.

И вот пираты сами уже по абордажному мосту забежали на корабль противника и перебили всех, кто сопротивлялся. И британское судно с частью матросов, перешедших на сторону пират, поплыло с ними в гавань города Басс-Терр на остров Гваделупа.

Раненые лили на раны красное вино. Судовой врач французов был убит несколько боёв назад, нового пока не нашли, лечились только спиртным.

Один истекающий кровью с отрезанными ногами матрос двадцати семи лет по имени Оноре Лотито хотел всадить в себя трёхгранный стилет, но Габриель успел выбить ногой оружие из рук самоубийцы.

Оноре оправдывался, корчась от боли:

– Я хотел прекратить страдание.

– Слабак! – ругнулся навигатор и влил тому в рот полбутылки рома.

Боцман, как бывший священник, восхваляя капитана, упоминал выходцев из ада со знанием дела:

– Мсье Вормс, словно Форкалор, сорок первый дух Преисподней, топит людей и военные суда! Обладает властью над ветром и морем! С ним можно плыть отнимать сокровища у казначея Дьявола Мельхома!

– Полных нам парусов и сухого пороха далее и всегда! – прогремел в ответ капитан.

Команда ответила одобрителем рёвом.

Далее Вормс отдавал приказы боцману:

– Мертвяков за борт, галереи вдоль бортов кубрика для заделывания фальшборта не трогать, пойдём в порт сцеплёнными кораблями, дабы не было у англичан соблазна удрать. Хотя я сам на всякий случай встану у штурвала второго судна. Боцман, найди людей для починки порванного паруса.

К штурвалу «Морской Звезды» подошёл помощник Габриеля де Алларда – Эльзеар Лафоре. И Аллард отправился спать.

Лежал в гамаке и слушал ритмичный танец игривых волн под аккомпанемент ветра. От матросов несло запахом немых тел и перегаром.

С соседнего гамака канонир Бертран узнавал:

– На суше куда-нибудь планируешь?

– Ага, в запой.

Приятель хихикнул и затих, видимо, уснул от усталости.

Габриель долго не мог уснуть, слушая крики и стоны раненых. Вспоминалась последняя поездка во Францию, крики матери, когда она увидела, как он обнимает Воду Варнье: «Я не хочу тебя видеть! Содомит проклятый! Ты мне не сын!» Как он мог объяснить, что долгими месяцами плаванья без женщин лучший друг может стать ещё и объектом наваждения? Как он мог объяснить, что на острове Гваделупа так мало женщин, что все хорошенькие уже заняты, а довольствоваться старыми или неказистыми он не хочет?

В трюме ночью многие женщины храпели. Гарсанда всхлипнула.

Женщина, с волосами цвета осенней травы, её возраста, сонно поинтересовалась:

– Чего ревёшь?

– Меня выгнали из монастыря.

– Но Бога у тебя не отняли. Он везде. Молись, если хочешь, тебе этого никто не запретит.

Сзади другая женщина ехидно заметила:

– Радоваться должна, что из монастыря вырвалась! Представляю, как там было скучно...

– Нас отдадут толпе пират... – продолжала нагнетать обстановку бывшая монашка.

Сзади брюнетка радостно заметила:

– Вот и хорошо! Пираты – любители праздника жизни.

Блондинка представилась:

– Меня зовут Аделаида Шалли.

– Я – Гарсанда Фази.

Сзади пугали:

– А меня зовут Корали Пуазон, и я соответствую своей ядовитой фамилии. Будешь мешать спать и всё время ныть – не ходи вдоль бортов, не то сброшу в море.

Возле Аделаиды заворочался небольшой комочек плоти с русыми волосами, тихим голоском заговорил:

– Мама, а мы скоро приедем на остров?

– Спи, Артрада, ещё плыть и плыть... – гладила пятилетнюю дочь Аделаида.

Гарсанда, наконец, уснула. Снилось, что она – весна в одеждах из лиан, цветов и листьев. Все деревья в лесу ожили, превратившись в мужчин, и тянули к ней ветви-руки. Она жадно прильнула к самому могучему и красивому. Он оплёл её своими ветвями, и они слились в поцелуе. Ветер стал дуть, раскачивая деревья, стараясь вырвать её из объятий возлюбленного. И Гарсанда с криком проснулась. Села, оглядываясь. Придя в себя, заплакала.

Корали, Гарсанда узнала её по голосу, злобно пнула её, обругав:

– У, плакса.

Аделаида склонилась, узнавая:

– Снилось что-нибудь плохое? Расскажи. Сон – это кодированный шифр с небес, а, может, и из космоса... Моя бабка занималась онейромантией – толкованием снов, она и меня научила...

– Церковь этого не одобряет, – пролепетала Гарсанда.

Аделаида настаивала:

– Тогда почему сны сбываются? Кто их приносит нам ночью?

– Выходит, мы уже жили когда-то, раз можем предугадывать события. Иначе, как можно видеть то, чего ещё не случилось?

– Или нам показывают сны ангелы-хранители...

– Я видела, будто меня обняло дерево... и поцеловало, а ветер пытался нас разъединить.

– Сидеть на дереве во сне означает – во всём ждёт счастье. Но это счастье кто-то попытается отнять, об этом говорит ветер.

Аделаида не была красавицей, но её лицо было свежо и миловидно.

Осуждённых женщин вывели на палубу прогуляться. Экипаж оценивал пассажирок, прибегая к нецензурным выражениям. Это публичное осуждение несколько не заботило падших женщин, это их забавляло. Корали и её подружка худышка шатенка Бланш Друли забрали юбки и показали самым неуёмным словесным хулиганам голый зад.

Капитан разрешил команде:

– Сдаётся, ребята, что это было приглашение зайти к ним в гости вечером. Вы можете брать себе любую. Кому сильно захочется в Гваделупе бабу, возьмут и с брюхом.

Гарсанда высказала Корали:

– Из-за твоей выходки пострадают все!

На что получила оплеуху от шлюшки. У Гарсанды полились слёзы из глаз.

Корали радовалась:

– Эта монашка точно не от мира сего! Чуть что – ревёт и причитает!

Но тут обиженная ею девушка ударила драчунью кулаком в подбородок. Та пошатнулась. В следующую минуту обе вцепились друг другу в волосы под гвалт матросов и визг женщин.

Капитан закричал:

– Задиру-блондинку закрыть на гауптвахте!

Пара матросов разняла драку и утащила Гарсанду Фази в каморку для нарушителей. Зато на 5 дней про неё забыли.

Когда она появилась в трюме, на неё смотрели с уважением – Гарсанда прошла самоутверждение в социуме.

Аделаида сидела рядом не только с дочкой, но ещё и с блондинкой средних лет, бывшее очарование всё ещё не покинуло эту женщину, её манеры и утончённость совсем не походили на поведение шлюх.

Аделаида приобняла Гарсанду и утешала:

– И всегда не пасуй при виде трудностей. Это же ты их спровоцировала.

– Да, нельзя быть пушистой для всех – растащат на воротники. Спасибо за поддержку. Я ценю людей, которые приходят в те моменты, когда плохо не им, а мне.

Сложно привыкнуть к новой жизни...к новому статусу...

– Наше ремесло не лишено сюрпризов. Бывает, что кто-то удачно выходит замуж за состоятельного старичка.

– Но сейчас нас везут на остров к геям, что может быть безнадежнее?

– А я думала – это тебя радует. Геи не пристанут...Ты же боишься мужчин...

– А, впрочем, если меня кто-нибудь выберет из геев, займусь сельским хозяйством, как в монастыре.

– Осмелюсь тебя заверить: многие мужчины бисексуальны, – подала голос незнакомка, – Меня зовут Онорина де Жуайон.

– Вы – дворянка? – выдохнула Гарсанда, – Но почему именно среди...среди...

Онорина продолжила:

– Среди шлюх? Это месть моего мужа. Он подсунул мне в постель постороннего мужчину, когда я крепко спала от его снадобий, а после позвал свидетелей. И вот он избавлен от старой жены, которая не хотела мириться с его молоденькой любовницей, завладел всеми землями бывшей жены, и жену услал куда подальше...И я уже не дворянка, здесь нет титулов...Одно радует: меня для увеселений избрал капитан, а сам полный импотент. Мы просто играем то в карты, то в шахматы, и болтаем о парижских знакомых.

Бланш Друли заметила:

– Посмотрите, блондинки создали свою лигу. Пасутся вместе.

Аделаида говорила, прижимая к себе своего ребёнка:

– Ко мне тоже не лезут, боятся криков и слёз моей доченьки...Ещё никогда не берут вот ту девушку, уж очень отталкивающее у неё лицо, её Химильтруда зовут.

Артрада ускакала играть с дочкой другой пассажирки, и её мать раскрыла свою душу:

– Я тоже пришла в эту профессию не по своей воле. Полюбила парня, и пошла бы за ним хоть на край света...Но он меня обманул...Он не хотел видеть меня всегда подле себя. Я была лишь забавой дня. А после рождения моей Артрады, мне нужны были деньги для семьи...

Гарсанда поделилась чувствами:

– Мир вдруг перевернулся для меня, я увидела мир совсем с другой стороны. Не тихим и размеренным, а бурным и опасным.

Онорина кивнула:

– Теперь и у меня новое восприятие, новое видение мира.

Бывшая монашка продолжала:

– Ещё недавно я любила всё человечество, но ведь каждый человек – это скопище пороков и недостатков: хамства, жадности, зависти и других изъянов...В каждом из нас уживаются все эти гнусные качества души. Наверное, Бог карает человечество эпидемиями и катастрофами за то, что мы не можем устоять перед соблазном, перед искушением.

Онорина предложила новым подругам:

– У меня с собой несколько платьев, муж сжалился и отдал самые скромные... Гарсанде негоже ходить в монашеской одежде, не обидьте меня, возьмите подношение.

Гарсанда неуверенно возразила:

– Я могла бы перешить свой плащ в юбку...

Но Онорина взяла её за руку так по-дружески... и Гарсанда согласно кивнула.

Мадам Жуайон рассказывала:

– Христофор Колумб назвал тот остров, куда мы плывём, Санта-Мария де Гваделупа де Эстремадура в честь статуи в испанском монастыре. В народе прижилось название Гваделупа, говорят: с арабского это слово переводится, как «волчья река любви». Там построили самый первый сахарный завод, полно плантаций с кофе, какао и бананами, много цитрусовых рощ, добывают ваниль и известь, выращивают зерно, делают ром. Французы завладели Гваделупой в 1635-ом год, завоевав у испанцев. Англичане хотели отвоевать остров себе в 1666-ом году. В беспокойный край нас везут...

В трюм ввалились матросы, стали хватать женщин.

Они радостно предупреждали:

– И никаких ваших тряпок не надо! Мы не во Франции, чтобы насухо вытирать влагище и посыпать присыпкой! Здесь законы диктуем мы!

Один матрос подбежал к Гарсанде.

Ей хотелось вжаться в пол, она молила:

– Уходите. Прошу вас – уходите.

Но мужчина схватил её за капюшон и потащил в кубрик для матросов.

Гарсанда сопротивлялась и её били.

Во всех углах кубрика копошились тела, соединённые в интимае. Мужчины пыхтели, женщины стонали или молчали, стиснув губы.

И только Гарсанда кричала, ругаясь:

– Скоты! Ненавижу!

Несколько матросов навалилось на неё, сдерживая. Кто-то сзади задрал юбки и под её рыдания проник в лоно.

В последующие дни её не трогали: никому неохота было с ней воевать, находились же охочие до секса женщины, да и пыл у мужчин поубавился. Затем она порезала палец и смочила кровью белую тряпку, при домогательствах показывала тряпицу и говорила, что сильно кровавит. Мужики плевались и шли к другим.

Как-то днём, когда пассажирки гуляли по палубе, одну из женщин схватили матросы и потащили к борту.

– Эй, вы что творите?– прикрикнули некоторые равнодушные.

– Эта сука наградила нас гонореей,– отвечали матросы,– Капитан нам разрешил избавиться от больной. Одной больше, одной меньше... Скажем – по дороге окочурилась.

И орущую больную гонореей сбросили в море.

Гарсанда хотела броситься за ней, но матросы поймали её у борта. И она видела, как человеческое существо ещё некоторое время боролось за жизнь, билось о волны, барахталось. Но вскоре море поглотило женское тело.

– Пусть прыгает, если хочет,– сказал про Гарсанду один из матросов,– Никто её спасать не будет. Эта истеричка всем надоела.

Но её всё же швырнули в толпу пассажиров, подальше от борта.

Аделаида советовала подруге, обняв ту:

– Не надо злить матросов. Вдали от берега они становятся злее.

Капитан кричал матросам:

– Эту бешенную монашку затащите опять на гауптвахту! Пусть ещё пяток дней посидит, подумает.

12 июня. Лебёдка подняла якорь. Пираты скинули трап, и сошли на берег на острове Гваделупа в порту возле форта Святого Шарля близ города Басс-Терр.

Молочайные манципеловые деревья, ксерофитные кустарники, пальма арека, густые ветви гигантских сейб – всё это радостно превозносило в жизнь зелень.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.